

ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Е.А. Артамонова

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

25 сентября 2018 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Наука уголовного процесса; уголовно-процессуальная категория; обвиняемый; волеизъявление обвиняемого; формирование категории «волеизъявление обвиняемого (подозреваемого)»

Аннотация. В условиях современной уголовно-процессуальной регламентации волеизъявление лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, приобретает все большее влияние на уголовно-процессуальную деятельность, в ряде случаев направляет ее ход, в других — предопределяет результаты. Законодатель расширяет возможности уголовно преследуемого лица воздействовать на уголовно-процессуальную деятельность, направлять производство по уголовному делу. В настоящей правовой действительности волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) стоит на прочной юридической почве и стало неременным условием реализации многих уголовно-процессуальных институтов. Лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, принадлежит определенный круг дозволений, в плоскости которых он имеет известную меру свободы. В статье показывается, как с течением времени изменялось отношение государства к личности лица, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, рассматривается эволюция формирования нового уголовно-процессуального явления — волеизъявления обвиняемого (подозреваемого). Приводится периодизация развития отечественного уголовного процесса в зависимости от влияния волеизъявления уголовно преследуемого лица на уголовно-процессуальную деятельность. Подтверждается, что волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) оказывает определенное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность на всех этапах уголовного судопроизводства. Доказывается, что волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) как правовое явление по своей значимости вышло на уровень уголовно-процессуальной категории. Обосновывается вывод о том, что с точки зрения современного состояния уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, а особенно с точки зрения дальнейшего совершенствования действующего уголовно-процессуального закона имеется потребность во введении в систему уголовно-процессуальных категорий новой, фактически уже сформировавшейся уголовно-процессуальной категории «волеизъявление обвиняемого (подозреваемого)».

THE EXPRESSION OF THE WILL OF THE ACCUSED (THE SUSPECT) AS A CRIMINAL PROCEDURE CATEGORY

Elena A. Artamonova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, the Russian Federation

Article info

Received

2018 September 25

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Keywords

Criminal procedure research; criminal procedure category; the accused; the will of the accused; emergence of the category «the will of the accused (the suspect)»

Abstract. In modern criminal procedure regulations, the will of a criminally prosecuted person is gaining a greater influence on the criminal procedure, sometimes directing it, and in other cases — predetermining its results. The lawmaker is giving a criminally prosecuted person more opportunities to influence criminal procedure activities, and direct criminal case proceedings. In the current legal landscape, the expression of the will of the accused (the suspect) is supported by a sound legal basis and has become a prerequisite for the implementation of many criminal procedure institutions. A criminally prosecuted person has a certain scope of permissible actions, and is free to act within this scope. The author describes historical changes in the attitude of the state towards a person accused or suspected of a crime and examines the evolution of a new criminal procedure phenomenon — the expression of the will of the accused (the suspect). The author also breaks the development of Russian criminal proceedings into periods depending on the influence that the will of the prosecuted person has on the criminal procedure activities. It is shown that the will of the accused (the suspect) has a certain impact on the criminal procedure at all stages of criminal court proceedings. The author proves that the will of the accused

(the suspect) as a legal phenomenon has become a criminal procedure category. It is concluded that, from the viewpoint of current criminal procedure legislation and the practice of its enforcement, especially in view of its further improvement, there is a necessity to introduce a new criminal procedure category, which has, in fact, already emerged — the category of «the expression of the will of the accused (the suspect)».

С развитием общественных отношений, демократизацией и гуманизацией отечественной правовой системы личность, ее права, свободы и законные интересы вышли на первое место в охранительной деятельности государства. В этом направлении переосмысливается и совершенствуется и система общепризнанных уголовно-процессуальных категорий.

Категории в целом — это формы выражения в мысли универсальных законов объективного мира, представляющие собой «предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [1, с. 251; 2, с. 13; 3, с. 73]. Правовые категории — это умственные представления о правовом явлении, выступающие высшей ступенью «абстрактных знаний в теории права» [4, с. 88]. Уголовно-процессуальные категории как разновидность правовых категорий отражают наиболее значимые, ключевые, сущностные закономерности уголовного судопроизводства, позволяют исследовать уголовно-процессуальную материю, особые связи явлений, существующие в уголовном судопроизводстве как специфической области правовой действительности. Они являются объективной основой системного понимания уголовного судопроизводства, позволяют постигнуть суть уголовно-процессуальной деятельности, понять сущность уголовного процесса, идеализированно и мыслительно отражают его основные признаки и свойства.

Генезис уголовно-процессуальных категорий связан с развитием научного знания, с потребностью осмыслить, объяснить и зафиксировать своеобразие того или иного фактически имеющегося явления в ряду других уголовно-процессуальных явлений.

Новая категория зарождается в среде уже существующих, постепенно выходя на равный им уровень и требуя своего признания в числе прочих элементов системы. В то же время «система, сформировавшись как целостное образование, накладывает на процесс своего дальнейшего развития определенные ограничения, препятствующие произвольному присоединению новых элементов» [5, с. 8]. Попол-

нение и развитие системы представляет собой сложный и длительный процесс, сопряженный с предъявлением высоких требований к ее новым элементам.

Формирование новой уголовно-процессуальной категории возможно в том случае, если: 1) она отражает новые, но уже сформировавшиеся в уголовно-процессуальной деятельности базовые явления, процессы, отношения и закономерности; 2) ее существование обосновано, проверено и доказано; 3) она входит в понятийный аппарат уголовно-процессуальной теории и используется в нем.

Представляется, что указанных выше требований на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки достигло понятие «волеизъявление обвиняемого (подозреваемого)». Этот термин прочно вошел в понятийный аппарат уголовно-процессуальной науки, потому что отражает один из сущностных, актуальнейших аспектов современного уголовного судопроизводства, который ориентируется на личность, на максимально возможный учет ее мнения и интересов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. От волеизъявления обвиняемого (подозреваемого), от его отношения к уголовно-процессуальной деятельности сегодня зависят не только отдельные аспекты ее осуществления, но и формы отправления правосудия по уголовным делам. Обвиняемый (подозреваемый) имеет не только субъективные права, позволяющие ему при производстве по уголовному делу защищать свои законные интересы, но и возможности влиять на выбор формы уголовного судопроизводства, его ход и результаты.

В настоящее время уголовно-процессуальная деятельность обвиняемого (подозреваемого) как составная часть уголовного судопроизводства носит двухаспектный характер. Во-первых, это вынужденная деятельность обвиняемого (подозреваемого), посредством которой он выполняет возложенные на него процессуальные обязанности и требования властных субъектов уголовного судопроизводства. Во-вторых, это активная, самостоятельная и инициативная деятельность обвиняемого (подо-

зреваемого). Оба эти аспекта находятся в правовом поле, в той или иной степени обусловлены непосредственно законом. Но в последнем случае ярко выражен психоволевой момент, отражающий отношение обвиняемого (подозреваемого) к уголовно-процессуальной деятельности. И проявляется он посредством волеизъявления обвиняемого (подозреваемого). Реализуя свои субъективные права, обвиняемый (подозреваемый) самостоятельно определяет свое правовое поведение. Содержательной сущностью волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) является его право, предусмотренное нормой закона или вытекающее из нормативных установлений, не противоречащее им. С формальной точки зрения волеизъявление — это один из способов реализации права. Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) в этом понимании предстает как уголовно-процессуальная деятельность уголовно преследуемого лица, основной отличительной чертой которой является вплетение в нее субъективно-волевого отношения обвиняемого (подозреваемого) к производству по уголовному делу.

В процессе эволюции в сфере уголовного судопроизводства появились обстоятельства, позволяющие предметно излагать обвиняемому (подозреваемому) свое мнение в рамках производства по уголовному делу. Эти обстоятельства породили явление, называемое сегодня волеизъявлением обвиняемого (подозреваемого). Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) приобретает значимость не потому, что обвиняемый *говорит*, что думает, а весь вопрос состоит в том, *что* он говорит и *говорит сам*, тем самым проявляя свою позицию, и с этим вынуждены считаться правоприменители, осуществляющие производство по уголовному делу в публичных, государственных интересах. Зародившись и начав развиваться и совершенствоваться, это явление, в свою очередь, породило обстоятельства, вызвавшие потребность в его обозначении, т.е. в формулировании новой категории, которая ранее не использовалась в уголовном процессе, поскольку уже известные уголовно-процессуальные категории не охватывали всей системы подобного рода проявлений со стороны обвиняемого (подозреваемого), когда оперировать положениями, характеризующими состояние статуса обвиняемого (подозреваемого) и его взаимоотношения с другими участниками уголовного судопроизводства, уже без этой категории затруднительно.

Образование категории «волеизъявление обвиняемого (подозреваемого)» есть результат нового представления о положении лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, на современном этапе развития уголовного судопроизводства. Это результат выявления определенной закономерности, отражающей влияние воли такого лица и ее изъятия на уголовно-процессуальную деятельность. Категория «волеизъявление обвиняемого (подозреваемого)» выражает новую ступень развития отечественного уголовно-процессуального права, отражающую изменение отношения государства к личности уголовно преследуемого лица, признание его самостоятельным субъектом уголовно-процессуальных отношений, чье волеизъявление влечет правовые последствия в определенных законом границах.

Рассматриваемая категория появилась и развивалась постепенно в процессе совершенствования уголовно-процессуального законодательства путем расширения правового статуса уголовно преследуемых лиц. В своем развитии влияние личности обвиняемого (подозреваемого), его волеизъявления на уголовно-процессуальную деятельность прошло три основных этапа.

I этап — с древних времен до судебной реформы 60-х гг. XIX в. Уголовный процесс представлял собой безличностное производство. Обвиняемый расценивался как объект расследования, его права и интересы не предполагались, не рассматривались как ценность, о волеизъявлении как факторе, влияющем на движение уголовного процесса, вообще речи не было. «В русской истории до судебных уставов, — писал П.И. Люблинский, — права личности мало принимались во внимание...» [6, с. 23]. «Старое право» почти всецело игнорировало права обвиняемого [там же, с. 56]. На этом этапе исторического развития обвиняемый признавался «предметом исследования, подлежащим экспериментам самым суровым во имя государственного интереса» [7, с. 16].

II этап — начиная с судебной реформы 60-х гг. XIX в. и до окончания советского периода. Личность получила определенные права, позволяющие ей отстаивать свои интересы при производстве по уголовному делу. Обвиняемый приобретает статус субъекта вначале только в суде, а затем и на протяжении всего уголовного судопроизводства. Он не просто наделяется правами, права обвиняемого (подозреваемого) и

его участие в процессе обеспечиваются лицами, осуществляющими уголовное преследование.

С введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г.¹ (далее — УУС) обвиняемый «перестал быть бесправным объектом исследования... и превратился в равноправную состязавшуюся сторону» [8, с. 448], стал «субъектом права» и приобрел права, позволявшие ему отстаивать свои личные интересы [9, с. 34–36; 10, с. 233; 11, с. 99; 12, с. 195; 13, с. 74]. Он получил возможность представлять свои возражения, подавать жалобы, заявлять ходатайства, пользоваться помощью защитника². В разные периоды рассматриваемого этапа обвиняемому принадлежали отдельные возможности влиять на ход процесса. Например, в дореволюционном законодательстве и в первые послереволюционные годы существовала упрощенная процедура судебного разбирательства, суть которой заключалась в том, что, если подсудимый признавал свою вину, соглашался с предъявленным обвинением, давал показания и это не вызывало сомнений у суда и других участников судебного заседания, суд имел право, не производя дальнейшего исследования доказательств, перейти к заключительным прениям (ст. 681 УУС; ст. 286 УПК РСФСР 1922 г.³; ст. 282 УПК

РСФСР 1923 г.⁴). С вступлением в силу УПК РСФСР 1960 г. впервые в отечественном уголовном процессе появилась норма, предписывающая правоприменителю согласовывать с обвиняемым решение вопроса о прекращении уголовного дела за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности и вследствие акта об амнистии или ввиду помилования (ч. 3 ст. 5 УПК РСФСР 1960 г. в первоначальной редакции). Несогласие уголовно преследуемого лица препятствовало прекращению уголовного дела по данным нереабилитирующим основаниям. Ярчайшим примером применения правила о возможности прекращения уголовного дела вследствие акта об амнистии только с согласия обвиняемого является дело генерала В.И. Варенникова, производство которого пришлось на переходный период в истории нашей страны. Он единственный из 12 обвиняемых по делу о ГКЧП отказался принять амнистию⁵ и был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР [17, с. 55–58].

В целом же сохранялось позиционное положение о том, что обвиняемый — это прежде всего лицо, в отношении которого направлено уголовное преследование и выполняется основная цель уголовного процесса — «изобличение виновного в преступлении, назначение и применение к нему справедливого наказания» [18, с. 12]. В ходе досудебного производства интересы расследования брали верх над процессуальными правами обвиняемого (подозреваемого), объем которых значительно расширялся в суде, но волеизъявление не имело какого-либо существенного влияния на уголовно-процессуальную деятельность.

III этап — постсоветский период развития отечественного уголовного процесса. Обвиняемый (подозреваемый) не просто признается субъектом процесса, а становится субъектом, влияющим на уголовно-процессуальную деятельность, ее ход и результаты. Его волеизъявление не только определяет уголовно-процессуальную форму, но и обуславливает ее проявление, направляет производство по делу.

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>.

² В отечественном уголовном процессе долгое время защитник принимал участие только в ходе судебного разбирательства, но с течением времени момент вступления защитника в процесс все более сдвигался к началу уголовного судопроизводства. Похожая ситуация складывалась и в других государствах. Например, в США первоначально помощь адвоката была доступна обвиняемому только на суде [14, р. 680]. В настоящее время в международном праве участию адвоката на каждом этапе уголовного судопроизводства придается первостепенное значение. Участие адвоката-защитника признается основной составляющей права на защиту, гарантирующей надлежащую правовую процедуру [15, р. 280]. Современное европейское уголовно-процессуальное законодательство обеспечивает право обвиняемого пользоваться услугами адвоката уже на первом допросе в полиции. И хотя право обвиняемого пользоваться услугами адвоката-защитника на досудебном этапе уголовного процесса явно не прописано в Европейской конвенции, оно вытекает из ее смысла, обеспечивающего последующее справедливое судебное разбирательство [16, р. 246–247, 137–138].

³ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р [Электронный ресурс] : утв. постановлением ВЦИК 15 февр. 1923 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об объявлении политической и экономической амнистии [Электронный ресурс] : постановление ГД ФС РФ от 23 февр. 1994 г. № 65-1 ГД // Там же.

Переход к новым, демократическим общественным отношениям в 90-е гг. XX в. ознаменовал глобальные перемены, изменившие подход к взаимоотношениям человека и государства. На первое место вышли интересы личности. Современная российская правовая система вообще и в частности уголовное судопроизводство формируются с ориентиром на личностные начала. Толчком к этому послужило принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ, которую называют «конституцией человека» [19, с. 4], так как более трети ее статей посвящены правам и свободам человека и гражданина, и последующая ратификация Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г.⁶ Государство взяло на себя заботу о личности. Человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — первоочередной обязанностью государства. Конституционно закреплены «абсолютно новые основы правопонимания» [21, с. 122], признающие приоритет неотъемлемых прав личности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

Произошедшие изменения не могли не сказаться на возможностях личности влиять на возникновение, изменение и прекращение уголовно-процессуальных правоотношений. В результате последовательного проведения в жизнь конституционного постулата о приоритете интересов личности уголовно-процессуальные отношения стали регламентироваться с позиции, воспринимающей обвиняемого (подозреваемого) как самостоятельного субъекта, способного свободно распоряжаться своими правами.

В 1993 г. в российский уголовный процесс был возвращен суд присяжных⁷. Обвиняемый получил право в определенных законом случаях выбирать по своему усмотрению форму осуществления правосудия по уголовному делу,

расцениваемую как «особую, непосредственно конституционно закрепленную процессуальную гарантию судебной защиты» [22, с. 244].

Но наиболее активно волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) как правовое явление начинает развиваться с принятием УПК РФ⁸. Вступивший с 1 июля 2002 г. в законную силу УПК РФ сохранил право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (разд. XII УПК РФ) и ввел новый, ранее неизвестный отечественному уголовному процессу институт рассмотрения уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ был введен институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ)⁹; законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ — особая форма предварительного расследования — сокращенное дознание (гл. 32.1 УПК РФ)¹⁰; законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ — институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1, гл. 51.1 УПК РФ)¹¹.

В отечественном уголовном процессе появились институты, применение которых зависит исключительно от волеизъявления участника процесса. Они стали дифференцировать форму судопроизводства, закладывая в признаки дифференциации и других особенностей производства не только объективно существующие явления, например квалификацию, вид уголовного преследования, сложность производства по уголовному делу, но и при-

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : (ред. от 4 нояб. 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Там же.

¹⁰ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2013 г.) // Там же.

¹¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Там же.

⁶ Конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г. предусматривает основные, «фундаментальные» права в уголовном судопроизводстве для лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления (ст. 5, 6). Данные права должны являться достоянием для любого национального государства [16, р. 9–15; 20, р. 71, 122 и др.].

⁷ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : закон РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 (ред. от 13 июня 1996) // СПС «КонсультантПлюс».

знаки субъекта, против которого осуществлялось уголовное преследование, — отношение обвиняемого к предъявленному обвинению, посткриминальное поведение обвиняемого (подозреваемого), характеристики субъекта, изобличаемого в совершении уголовно наказуемого деяния, его состояние здоровья, и, самое главное, в качестве критерия дифференциации стало использоваться наличие волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) на применение соответствующей процедуры [23, с. 33–34; 24, с. 654; 25]. Субъективные признаки лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, т.е. факторы, связанные с личностью обвиняемого (подозреваемого), его поведением как участника уголовного процесса и выраженным им волеизъявлением, активно используются при дифференциации уголовно-процессуальной формы как на судебных, так и на досудебных стадиях. Закон не просто вводит новые упрощенные процедуры, но и «в определенной степени стимулирует» [26, с. 40] их использование в правоприменительной практике посредством существенного смягчения наказания, предусмотренного за совершение соответствующего преступления.

Практические работники в большинстве своем (72 %) одобряют существование особых порядков, считая их более эффективными и результативными¹². Судя по опубликованным статистическим данным и результатам обобщения судебной практики, и сами обвиняемые весьма положительно относятся к упрощенным производствам. В последние годы стабильно большинство уголовных дел в стране (≈70 %) ¹³ рассматривается в особом порядке, инициирование которого зависит от волеизъявления уголовно преследуемого лица. Обвиняемые (подозреваемые) активно используют предоставленную им законом возможность выбирать более приемлемую для себя форму расследования или форму осуществления правосудия. В особых процедурах они количественно получили больший объем прав по сравнению с общим

порядком, что позволяет говорить о формировании у них специальных процессуальных статусов, о расширении их процессуальных возможностей [27, с. 11, 18].

Обвиняемый (подозреваемый), производство уголовного дела в отношении которого осуществляется в таких процедурах, имеет право в любой момент вернуться в общий порядок. Так, вплоть до удаления суда в совещательную комнату обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого уголовное дело расследовалось в сокращенном дознании, вправе ходатайствовать о производстве дознания в общем порядке. И такое ходатайство подлежит обязательному удовлетворению правоприменителем (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ). Возражение подсудимого против особого порядка судебного разбирательства в ходе рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ имеет следствием прекращение особого порядка судебного разбирательства и рассмотрение уголовного дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Аналогичные последствия наступают при реализации права отказа от досудебного соглашения о сотрудничестве со стороны самого подсудимого в ходе судебного процесса.

Не только в особых процедурах, но и в общем порядке уголовного судопроизводства волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) имеет правовые последствия. Сегодня уголовно преследуемое лицо вправе защищаться от уголовного преследования любыми средствами и способами, не запрещенными законом (п. 21 ч. 4 ст. 47, п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Его волеизъявление допустимо без ограничений, если не противоречит закону. Действует принцип: обвиняемому (подозреваемому) в целях защиты разрешено все, что не запрещено законом. Уголовно-процессуальный закон предоставляет ему большую свободу поведения, чем иным заинтересованным в исходе дела вовлекаемым в процесс лицам (потерпевшему, гражданскому лицу, гражданскому ответчику и др.).

Внутри давно известных, традиционных институтов действуют процедуры, порядок и само выполнение которых зависит от волеизъявления обвиняемого (подозреваемого). Так, в ходе предварительного расследования обвиняемый (подозреваемый) самостоятельно решает, давать ему показания или нет. Повторный допрос обвиняемого в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе допускается только по просьбе обвиняемого. Отдельные следствен-

¹² Здесь и далее использованы результаты проведенного в 2017–2019 гг. анкетирования судей, прокуроров, сотрудников органов расследования и адвокатов в Республике Коми, Ставропольском крае, г. Саратове, Калужской, Пензенской, Тамбовской и Тульской областях, а также прокурорских работников прокуратур Южного военного округа.

¹³ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2015, 2016, 2017, 2018 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

ные действия фактически невозможно провести без согласия на то обвиняемого (подозреваемого), например очную ставку, следственный эксперимент, проверку показаний на месте¹⁴.

В судебном разбирательстве при осуществлении своей профессиональной деятельности по отправлению правосудия судья в подавляющем большинстве случаев принимает решения по согласованию с участниками судебного разбирательства, в том числе выясняя и учитывая позицию подсудимого по ряду вопросов. Например, по общему правилу огласить показания неявившегося потерпевшего или свидетеля можно, только если подсудимый против этого не возражает (ч. 1 ст. 281 УПК РФ). Необеспечение права подсудимого на оспаривание показаний свидетелей обвинения и потерпевших (ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ) влечет отмену принятого решения¹⁵. Закон в этой части производства по делу предписывает суду принимать решения в одних случаях только по ходатайству сторон, в других — с учетом мнения сторон. Более того, принятие решения «судьей по собственной инициативе не исключает, а иногда и требует учета мнения сторон» [28, с. 152]. Так, избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого в ходе судебного разбирательства, не учитывая мнения подсудимого и других участников судебного заседания, фактически невозможно, хотя прямого указания в законе на это нет. Судебная практика базируется на предписаниях п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, согласно которым подсудимый вправе участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании в от-

ношении него меры пресечения, а следовательно, суд должен выслушать и не может не учитывать мнение подсудимого по этому вопросу¹⁶.

Весь механизм судебного процессуального контроля приводится в действие исключительно по инициативе сторон, в том числе и лицом, привлеченным к уголовной ответственности. Проверка итоговых и промежуточных судебных решений, а также решений органов предварительного расследования, принимаемых в ходе досудебного производства, может быть инициирована уголовно преследуемым лицом посредством подачи соответствующей жалобы в суд (апелляционной, кассационной, надзорной, в порядке ст. 125 УПК РФ).

Кроме этого, обвиняемый (подозреваемый) вправе обращаться с целью защиты своих законных интересов в различные правозащитные организации, средства массовой информации и международные суды по любому вопросу, связанному с осуществлением уголовного судопроизводства, начиная с обжалования факта помещения его в специальные металлические конструкции в зале суда во время судебного заседания, заканчивая жалобами на значительное затягивание рассмотрения дела в суде¹⁷.

Институт реабилитации начинает функционировать по инициативе лица, незаконно и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию. Только по требованию реабилитированного начинается и осуществляется судебная деятельность по возмещению имущественного вреда, компенсации морального вреда, восстановлению иных его прав (гл. 18 УПК РФ).

Таким образом, волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) прочно вошло в уголовно-процессуальную деятельность. На всем протяжении уголовного судопроизводства работают отдельные нормы и целые институты, при-

¹⁴ Так, в Ставропольском крае достаточно часто встречаются случаи отказа от участия в проверке показаний на месте со ссылкой на ст. 51 Конституции РФ обвиняемых, которые дали признательные показания на допросе, но не желают, стыдятся появляться в общественном месте («на людях») в сопровождении полицейских. См., например: уголовные дела № 1-285/2016, № 1-191/2016, № 1-103/2017 (архив Ленинского районного суда г. Ставрополя).

¹⁵ Более того, по смыслу требований ч. 1, ч. 2 и ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ оглашение в судебном заседании показаний неявившихся свидетелей без принятия исчерпывающих мер по обеспечению их явки является недопустимым и в интересах близкого родственника умершего обвиняемого при его несогласии на это. В таких случаях близкий родственник умершего обвиняемого, настаивающий на его реабилитации, приобретает право на оспаривание показаний свидетелей обвинения (см.: Апелляционное постановление № 22-1417/2019 от 13 мая 2019 г. по делу № 22-1417/2019 Омского областного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AFg04LNicRbX>).

¹⁶ По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституц. Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П. URL: http://main-law.ru/ksrf/4-p_ot_22-03-2005; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 6 августа 2007 г. № 14-О07-25. URL: http://uristu.com/library/sud/verhsud_big_38461.

¹⁷ Practice of keeping remand prisoners in a metal cage during court hearings amounted to degrading treatment // Press Release issued by the Registrar of the Court. 2014. July 17. URL: hudoc.echr.coe.int.

менение которых зависит от волеизъявления обвиняемого (подозреваемого). Сегодня обвиняемый (подозреваемый) выступает основным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, субъектом, отстаивающим собственный определенный интерес, имеющим право заявлять определенные претензии или возражать против претензий других участников уголовного процесса, а в ряде случаев от его действий зависит направление производства по делу.

Свобода выражения волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) ничем не ограничена. Он вправе высказывать свое мнение в любой момент производства по уголовному делу в разной форме: давая показания, заявляя ходатайства, принося жалобы, делая заявления и представляя объяснения. Любое фактически выраженное волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) принимается и рассматривается правоприменителем, но учитывается и реализуется в обязательном порядке только в случаях, прямо установленных законом. С последним утверждением согласно 40 % проанкетированных практических работников. Четверть респондентов отметили, что в настоящее время волеизъявление уголовно преследуемого лица учитывается повсеместно, влияя практически на все процессуальные действия и решения. Осталь-

ные (35 %) считают, что учет волеизъявления в случаях, предусмотренных УПК РФ, гарантирован, а в иных — зависит от усмотрения правоприменителя.

Признанные законом процедуры, основанные на волеизъявлении обвиняемого (подозреваемого), появились не сразу, а постепенно, одна за другой. Они сегодня закреплены в законе и являются базовыми для понимания значения влияния волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) на уголовно-процессуальную деятельность. Но к настоящему моменту это движение не завершено. Место в уголовно-правовой сфере для волеизъявления уголовно преследуемого лица и его учета в уголовно-процессуальной деятельности значительно больше, чем это сегодня обозначено в законе, что обусловлено развитием отечественного уголовно-процессуального законодательства, внедрением в него демократических и гуманистических начал.

Включением в категориальный аппарат теории уголовного процесса категории «волеизъявление обвиняемого (подозреваемого)» достигается более глубокое и полное отражение современной уголовно-процессуальной действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева [и др.]. — Москва : Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
2. Некрасов С.И. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник / С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова. — Орел : Изд-во ОГУ, 2010. — 289 с.
3. Федорищенко А.И. Понятие «категория» в историко-философской традиции / А.И. Федорищенко. — Москва : Изд-во Рос. тамож. акад., 2016. — 88 с.
4. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. — Москва : Юрид. лит., 1976. — 264 с.
5. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? / С.А. Шейфер // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 2. — С. 5–16.
6. Люблинский П.И. На смену старого права : сб. ст. по вопр. текущей правовой жизни / П.И. Люблинский. — Петроград : Типо-литогр. Руманова, 1915. — 434 с.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1 / И.Я. Фойницкий. — 4-е изд. — Санкт-Петербург : Обществ. польза, 1912. — 567 с.
8. Познышев С.В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере уголовного права и процесса / С.В. Познышев // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. — Петроград, 1914. — Т. 2. — С. 414–478.
9. Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / М.С. Строгович. — Москва : Сов. законодательство, 1934. — 47 с.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1 / М.С. Строгович. — Москва : Наука, 1968. — 472 с.
11. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса / Т.Н. Добровольская. — Москва : Юрид. лит., 1971. — 200 с.
12. Право обвиняемого на защиту в социалистическом уголовном процессе / под ред. В.М. Савицкого. — Москва : Наука, 1983. — 285 с.
13. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 2. — С. 25–123.
14. Ingram J.L. Criminal Evidence / J.L. Ingram. — 10th ed. — Dayton : LexisNexis, 2009. — 962 p.
15. Bassiouni M.C. Human rights in the context of criminal justice: identifying international procedural protections and equivalent protections in national constitutions / M.C. Bassiouni // Duke Journal of Comparative & International Law. — 1993. — Vol. 3, № 2. — P. 235–298.

16. McBride J. Human rights and criminal procedure. The case law of the European Court of Human Rights / J. McBride. — Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2009. — 399 p.
17. Варенников В.И. Дело ГКЧП / В.И. Варенников. — Москва : Эксмо, 2010. — 335 с.
18. Чельцов М.А. Уголовный процесс : учебник / М.А. Чельцов. — Москва : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. — 624 с.
19. Аяцков Д.Ф. Конституция и политические права российских граждан: реализация в Саратовской области / Д.Ф. Аяцков, Г.Н. Комкова, О.Н. Фомин. — Саратов : Издат. центр Сарат. экон. акад., 1997. — 100 с.
20. Ashworth A. Human Rights, Serious Crime and Criminal Procedure / A. Ashworth. — London : Sweet & Maxwell, 2002. — 145 p.
21. Селина Е.В. Проблемы конструирования составов преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства / Е.В. Селина // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 7. — С. 121–125.
22. Насонов А.И. О реформировании суда с участием присяжных заседателей / А.И. Насонов // Судебная власть и уголовный процесс. — 2015. — № 4. — С. 243–248.
23. Головинская И.В. Проблемы дифференциации форм уголовного процесса / И.В. Головинская // Библиотека криминалиста. — 2017. — № 1 (30). — С. 32–39.
24. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Кнорус, 2008. — 704 с.
25. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие / И.С. Дикарев // Российская юстиция. — 2013. — № 12. — С. 18–21.
26. Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4. — С. 40–48.
27. Пестов А.Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Д. Пестов. — Краснодар, 2016. — 30 с.
28. Астафьев А.Ю. Этико-правовые аспекты взаимодействия председательствующего судьи с участниками уголовного процесса / А.Ю. Астафьев // Судебная власть и уголовный процесс. — 2015. — № 4. — С. 151–155.

REFERENCES

1. Ilichev L.F. et al. (eds.). *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1983. 836 p.
2. Nekrasov S.I., Nekrasova N.A. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Orel State University Publ., 2010. 289 p.
3. Fedorishchenko A.I. *Ponyatie «kategoriya» v istoriko-filosofskoi traditsii* [The Concept of «Category» in Historical and Philosophical Tradition]. Moscow, Russian Customs Academy Publ., 2016. 88 p.
4. Vasilev A.M. *Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava* [Legal Categories. Methodological Aspects of Developing a System of the Law Theory Categories]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1976. 264 p.
5. Shafer S.A. The System of Investigative Actions: What Are the Ways of its Development? *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2015, no. 2, pp. 5–16. (In Russian).
6. Lyublinskii P.I. *Na smenu starogo prava* [To Replace the Old Law]. Petrograd, Romanov Publ., 1915. 434 p.
7. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A Course in Criminal Court Procedure]. 4th ed. Saint Petersburg, Obshchestvennaya Pol'za Publ., 1912. Vol. 1. 567 p.
8. Poznyshchev S.V. Lawmaking work of new courts in the sphere of criminal law and process. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda za pyat' desyat let* [Court Charters of November 20, 1864 for Fifty Years]. Petrograd, 1914, vol. 2, pp. 414–478. (In Russian).
9. Strogovich M.S. *Obvinenie i obvinyaemy na predvaritel'nom sledstvii i na sude* [Charge and an Accused at a Preliminary Investigation and at a Trial]. Moscow, Sovetskoe Zakonodatelstvo Publ., 1934. 47 p.
10. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Course of Soviet Criminal Process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1. 472 p.
11. Dobrovolskaya T.N. *Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Principles of Soviet Criminal Process]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1971. 200 p.
12. Savitskii V.M. *Pravo obvinyaemogo na zashchitu v sotsialisticheskome ugolovnom protsesse* [The Right of the Accused to Defense in the Socialist Criminal Process]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 285 p.
13. Kovriga Z.F. Criminal Procedure Responsibility. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2016, no. 2, pp. 25–123. (In Russian).
14. Ingram J.L. *Criminal Evidence*. 10th ed. Dayton, LexisNexis, 2009. 962 p.
15. Bassiouni M.C. Human Rights in the Context of Criminal Justice: Identifying International Procedural Protections and Equivalent Protections in National Constitutions. *Duke Journal of Comparative & International Law*, 1993, vol. 3, no. 2, pp. 235–298.
16. McBride J. *Human Rights and Criminal Procedure. The Case Law of the European Court of Human Rights*. Strasbourg, Council of Europe Publishing, 2009. 399 p.
17. Varennikov V.I. *Delo GKChP* [The case of SCSE (State Committee on the State of Emergency)]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 335 p.
18. Cheltsov M.A. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure]. Moscow, 1948. 642 p.
19. Ayatskov D.F., Komkova G.N., Fomin O.N. *Konstitutsiya i politicheskie prava rossiiskikh grazhdan: realizatsiya v Saratovskoi oblasti* [The Constitution and the political rights of Russian citizens: implementation in Saratov Region]. Saratov Economics Academy Publ., 1997. 100 p.

20. Ashworth A. *Human Rights, Serious Crime and Criminal Procedure*. London, Sweet & Maxwell, 2002. 145 p.
21. Selina E.V. The Problems of Establishing the Elements of Crimes against Justice in Criminal Judicial Proceedings. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2015, no. 7, pp. 121–125. (In Russian).
22. Nasonov A.I. About Reform of the Court with Participation of Jurors. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2015, no. 4, pp. 243–248. (In Russian).
23. Golovinskaya I.V. Problems of Differentiation of Format of Criminal Proceedings. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2017, no. 1 (30), pp. 32–39. (In Russian).
24. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B.; Smirnov A.V. (ed.). *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure]. 4th ed. Moscow, Knorus Publ., 2008. 704 p.
25. Dikarev I.S. Differentiation of the Criminal-Procedural Forms and Factors Determining it are Revealed. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2013, no. 12, pp. 18–21. (In Russian).
26. Rossinskiy S.B. Special Trial Order as One of the Arguments to Prove the Circumstances of the Criminal Case: Objection Against Opponents. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2016, no. 4, pp. 40–48. (In Russian).
27. Pestov A.D. *Protsessual'nye polnomochiya prokurora pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoi forme. Avtoref. Kand. Diss.* [The procedural power of the prosecutor in an abridged form of inquiry. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2016. 30 p.
28. Astafev A.Yu. Ethical and legal aspects of the interaction between the presiding judge and the criminal process participants. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2015, no. 4, pp. 151–155. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артамонова Елена Александровна — доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Ставрополь, Российская Федерация; e-mail: ea.artamonova@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artamonova, Elena A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Process, North-Caucasus Federal University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Stavropol, the Russian Federation; e-mail: ea.artamonova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) как уголовно-процессуальная категория / Е.А. Артамонова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1025-1034 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 1025–1034.

FOR CITATION

Artamonova E.A. The expression of the will of the accused (the suspect) as a criminal procedure category. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 1025–1034. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1025-1034. (In Russian).